

**«СТУДЕНТ» АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА
КАК РАССКАЗ О ДЬЯВОЛЕ
(ВАРИАНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА)**

Рассказ «Студент» считается классикой русской литературы и одним из лучших произведений А. Чехова. По своим жанровым особенностям это рассказ-притча, что подразумевает наличие определенной морали, заложенной самим автором. Исходя из контекста, который включает в себя биографию А. Чехова, другие его произведения, а также – из общеизвестных установок традиционного литературоведения, подавляющее большинство исследователей анализирует этот рассказ, исходя из предустановок христианской культуры, то есть анализируют бинарную оппозицию между добром и злом, светом и тьмой, холодом и теплом и так далее. Нельзя сказать, что это не имеет под собой никаких оснований, поскольку текст рассказа «Студент» посвящен, в том числе, и евангельской истории об апостоле Петре, который трижды отрекся от Иисуса. Однако не стоит также утверждать, что существующая, принятая трактовка произведения является единственно верной и единственно обоснованной, поскольку она во многом базируется не на неких объективных методах анализа, а на изначальной предзаданности, что уже само по себе значительно сужает круг интерпретаций. Установка эта в первую очередь заключается в том, что А. Чехов написал рассказ о вере в человечество, о положительном герое, который приносит людям свет даже в очень плохие, темные времена. Как отмечает Н. Мокина, «за последние десятилетия высказано немало версий замысла рассказа, основные коллизии которого – нравственный перелом, пережитый студентом духовной академии Иваном Великопольским в вечер Страстной пятницы, и – как “прелюдия” – пробуждение души двух бедных вдов (признаваемых исследователями даже “подлинными героями” “Студента”), которым герой пересказывает историю отречения Петра от Христа» [3 с. 62].

Данная трактовка произведения, однако, далеко не убеждает, если в духе структурализма произвести имманентный анализ текста как такового, исключаящий привнесение в него «сверхтекстовой» культурно-исторической семантики.

Сам текст рассказа позволяет не только оспорить ранее озвученную точку зрения как основанную на предзаданном восприятии творчества А. Чехова с позиций ортодоксального православия, но и обнаружить в нем прямо противоположную интенцию, влекущую за собой иную интерпретацию данного рассказа. Подобные попытки уже предпринимались: «Абсолютно непримиримыми кажутся две версии. Согласно одной, объединяющей, впрочем, многих исследователей, “Студент” – пасхальный рассказ с характерным для этого типа рассказов сюжетом восстановления человека. Это истолкование «подлинного сюжета» было оспорено в одной из последних посвященных чеховскому рассказу статей, автор которой видит в “Студенте” “тонкую и неброскую иронизацию”, в сущности, тотальную иронию, очевидную для исследователя на всех уровнях текста и пронизывающую и сферу героя, и сферу автора. Иначе говоря, и герой “сыграл в религию” перед женщинами-вдовицами и перед самим собой, и автор иронизирует – над героем (а в его лице и над интеллигенцией, играющей в религию) и над возможным источником идеи воскресения человека и той “правды”, которая вдохновила героя, – Л.Н. Толстым» [3, с. 60]. Мы хотели бы пойти еще дальше и доказать, что А. Чехов в рассказе «Студент» не просто иронизирует над интеллигенцией и доверчивостью простых людей (этого мы не отрицаем, так как поведение персонажей в данном рассказе карикатурно), но воссоздает историю об абсолютном зле, которое лишь притворяется добродетельным, а в действительности несет с собой предвестие Апокалипсиса.

Следуя логике развития сюжета, имеет смысл разделить рассказ на следующие части: вступление (описание погоды, а также введение читателя в условный контекст происходящей ситуации), основная часть (рассказ студента о Петре), завершение (студент уходит и с гор наблюдает за своей родной деревней). Во всех трех

частях прослеживается четкая бинарная оппозиция, о которой уже было сказано ранее, однако приверженцы «классической» методологии, трактуя эту оппозицию, исходя из стереотипных представлений о творчестве А. Чехова и русской литературе, из-за чего упускают возможность взглянуть на рассказ по-новому.

Обратим внимание, что в первой части рассказа есть очевидный контраст между двумя состояниями природы: спокойным, теплым («Погода вначале была хорошая, тихая. Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку» [4, с.306]) и тревожно-холодным («Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, все смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо. Запахло зимой» [4, с. 306]). Чаще всего данный переход интерпретируется следующим образом: «Дисгармония в природе усугубляет неустроенность душевного состояния главного героя» [2, с. 345]. Однако важно отметить, что трансформация происходит мгновенно, из-за чего возникает ощущение некоторой фантастичности происходящего. Интересно, что переход от одного состояния к другому происходит ровно в тот момент, когда в фокусе внимания читателя появляется студент Иван Великопольский, который идет в некую безымянную деревню. Чаще всего образ этого героя интерпретируют следующим образом: «Рассказ неслучайно называется “Студент”, т. е. ученик. Апостолы, в их числе и Петр, были учениками Христа. Иван Великопольский – студент духовной семинарии, значит, тоже Его ученик, который разуверился в Божественной сущности мира, впал в уныние, сосредоточившись на сиюминутном, забыл о главном» [1, с. 44]. При этом ни цель путешествия, ни предыстория отношений студента с этим местом читателю не раскрываются, что характерно для притчевых произведений, которые зачастую имеют в себе фантастические элементы. Из текста рассказа может возникнуть ощущение, что холод и бедность, которые описываются во втором абзаце, пришли на землю вместе с самим Иваном. Однако подобную интерпретацию можно допустить лишь в том случае, если не опи-

ратся на стереотипное представление о канве для анализа, которое предлагает традиционное литературоведение. Тем более догадка о том, что именно Иван является причиной или вестником зимы и бедности, подтверждается в самом тексте, ведь первое, что он произносит, когда подходит в деревне к двум вдовам это: «Вот вам и зима пришла назад» [4, с. 306]. Он буквально называет самого себя зимой, то есть признает свою фантастическую природу. В пользу этой догадки говорит и то, что изначально вдова, которая, как станет понятно далее из текста, хорошо его знает, сначала не узнает студента. По этим признакам, содержащимся непосредственно в самом тексте, можно заключить, что под личиной студента Ивана Великопольского в действительности скрывается некое иное существо, которое лишь приняло облик студента, однако не досконально соответствующий оригиналу (из-за чего вдова изначально его и не узнала). Также важно отметить, что Иван никак не отвечает на слова вдовы: «Не узнала, бог с тобой. Богатым быть» [4, с. 307]. Возможно, это тоже намекает на особую природу того, кто выдает себя за Ивана, поскольку обычный человек должен был бы ответить в сложившейся ситуации как минимум благодарностью, однако маскирующемуся существу упоминание Бога, должно быть, неприятно, потому оно и не отвечает.

Вторая часть начинается так же внезапно, как произошел переход от хорошей погоды к холодной зимней: явившийся решает рассказать двум вдовам об апостоле Петре. Весьма интересно, как Иван начинает свое повествование: «Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, — сказал студент, протягивая к огню руки. — Значит, и тогда было холодно. Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!» [4 с. 307]. Формулировки, которые он использует, чтобы обосновать начало столь внезапного рассказа, могут заставить читателя подумать, что Иван сам видел все эти события, был если не участником, то как минимум наблюдателем того, о чем пойдет речь. Однако существо, выдающее себя за Ивана, словно спохватилось, что его раскроют, а потому мнимый Иван «посмотрел кругом на потемки,

судорожно встряхнул головой и спросил» [4 с. 307]. Студент словно бы проверял, не услышал ли кто, кроме двух женщин, его слишком откровенные слова, а потому сразу же решил рассеять внимание вдов, перейдя на евангелие, как бы давая понять, что настолько подробно он осведомлен о судьбе Петра благодаря своей учености, а не личному участию в описываемых событиях.

Дальнейший рассказ персонажа для детального анализа интереса не представляет, однако обратим внимание на его завершение: «Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания... Студент вздохнул и задумался» [4, с. 308]. Такое глубокое погружение во всем известное христианское предание лишь в очередной раз подтверждает нашу гипотезу о том, что Иван, повествующий вдовам о Петре, в действительности сам был участником этих событий, тем более что рассказ его достаточно подробный и зачастую воспроизводит бытовые детали, которым редко уделяют внимание, считая более продуктивным рассмотрение духовной и сюжетной стороны этой истории. Однако, как известно, для передающего собственные воспоминания фиксация на незначительных бытовых деталях как раз характерна. Также в этой связи интересно отметить, что слова персонажа производят неожиданно сильный эффект, чего произойти не должно было, ведь, судя по ответу вдовы, она помнит евангелие, а значит, слышала историю о Петре не один раз. В таком случае из текста рассказа логично предположить, что Иван использовал некие потусторонние силы, чтобы завладеть вниманием вдов и вызывать у них сильные эмоции по поводу хорошо известной им легенды.

Обратимся к финальной части рассказа, начав с абзаца: «Работники возвращались с реки, и один из них верхом на лошади был уже близко, и свет от костра дрожал на нем. Студент пожелал вдовам спокойной ночи и пошел дальше. И опять наступили потемки, и стали зябнуть руки. Дул жестокий ветер, в самом деле возвращалась зима, и не было похоже, что послезавтра Пасха» [4, с. 308]. Для нас важно, что персонаж решил уйти от костра ровно в тот момент, когда вокруг начали появляться люди. Если вспомнить его

странную реакцию с оглядыванием по сторонам, то это доказывает, что он по какой-то причине опасается людей. Возможно, боится, что его обман с превращением в Ивана раскроется. Также интересно, что потемки и холод снова очень определенно связываются с явившимся, то есть в рассказе есть уже целых два описания того, как активность студента заставляет меняться погоду. Обратим внимание и на то, что персонажа почему-то очень волнует связь рассказанного им с двумя вдовами, а также с ним самим, что еще раз подтверждает его личное участие в изложенных событиях. Чаше подобная заинтересованность Ивана трактуется в следующем ключе: «Ценностная картина мира, авторская теология заключены в том духовно-нравственном идеале, который стал понятен герою рассказа в финале: ему открывается душевная красота женщин, их способность на милосердие, что пробуждает в нем умиление и новое восприятие жизни, как полной высокого смысла» [1, с. 47]. Но в тексте нет однозначных заявлений о том, что Иван неким образом осознал суть душевной красоты женщин, а намеки, даваемые писателем непосредственно в тексте рассказа, можно интерпретировать двояко.

Далее и вовсе происходит следующее: «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошное, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой» [4, с. 309]. Из текста становится понятно, что студент примерно такого эффекта и добивался, пусть не особенно на него рассчитывая. То есть мы можем сделать вывод, что рассказав историю и взволновав что-то в душе вдовы, Иван добился некой цели, которая кажется абсолютно необъяснимой, особенно учитывая, что люди, с которыми он общался, пропали, хотя еще недавно сидели у костра. Подобное поведение весьма странно для обычного студента, тем более, что далее мы узнаем: это была его родная деревня, в которой он по какой-то неизвестной причине не задержался даже на день, предпочтя рассказать историю и от-

правиться дальше. Не похоже это на поведение обычного человека, однако может быть характерно для некой фантастической сущности, у которой есть определенная цель.

Пока что мы видим, что главная связь между смысловыми частями рассказа – таинственная, непонятная природа существа, которое выдает себя за студента Ивана, несмотря на то, что очевидно им не является и, более того, обладает скрытыми фантастическими силами. Однако последний абзац дает ключи к расшифровке данного образа, что порождает огромное количество смыслов и возможностей для интерпретации не только данного рассказа, но и всего творчества Чехова в целом: «А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря, то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, – ему было только 22 года, – и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» [4, с. 310]. Обратим внимание на следующие формулировки: «холодная багровая заря», «правда и красота, направлявшие человеческую жизнь, <...> продолжались до сего дня», «ожидание счастья». Эти три фразы являются ключевыми для понимания концепта, который мы рассматриваем в данном тексте. Первая фраза вновь отсылает нас к фантастическим способностям Ивана по управлению погодой и холодом, а также является прямой параллелью с адом, главный цвет которого именно красный. Последняя же намекает на то, что существо наконец достигло некой цели, когда заставило исчезнуть вдову, почувствовавшую родство с апостолом Петром. Вторая же фраза позволяет нам собрать эти разрозненные смыслы в единую картину: существо сделало нечто настолько ужасное, что правда и красота, сопровождавшие человечество до сего дня, больше не существуют, а

потому в мире наступает новая эра, эра холодной багровой зари. Именно ее приход в данном случае и стоит понимать под тем таинственным счастьем, которого ждет чеховский персонаж.

Теперь постараемся подвести итог: студент Иван Великопольский – это некое сверхъестественное существо, обладающее впечатляющими способностями в области управления погодой и убеждения людей, которое путешествует с места на место и заставляет исчезать тех, кто чувствует родственность душ с апостолом Петром, то есть, в христианском понимании, – праведных, хороших людей. Совокупность всех этих факторов позволяет сделать закономерный вывод о том, что перед нами рассказ о Дьяволе, который путешествует по миру и уничтожает праведников, чтобы в итоге установить царство зла. Мы знаем, что в классической картине мира Люцифер, отождествляющийся с Дьяволом, находится на самом последнем из кругов ада, в ледяном озере (отсюда управление погодой и вечное чувство холода, которое испытывает Иван), а также может влиять на людей посредством убеждения, что и демонстрирует студент. Подобная интерпретация подтверждается и нашими наблюдениями по поводу того, что Иван рассказывал историю о Петре как участник событий, а не как обычный человек, прочитавший евангелие. Радость персонажа в таком случае также объяснима: Дьявол стал еще на шаг ближе к утверждению царства тьмы на земле после того, как посредством своего рассказа выявил в одной из вдов праведницу. В таком случае речь не может уже идти о том, что «огонь становится символом душевного просветления героя, утверждения его веры в благодать Творца и его Промысла о мире и человеке» [2, с. 344].

Подобный альтернативный взгляд на этот рассказ кажется нам вполне возможным, поскольку основывается на тех фактических признаках и описаниях, которые находятся в самом тексте, а не на системе контекстов, изначально уничтожающих возможные варианты интерпретации художественного произведения, так как базируются на предубеждениях и стереотипах, строящихся вокруг некой абстрактной целостной идеи о творчестве Чехова, но не учитывают объективную текстовую реальность многих его рассказов.

Литература

1. Берёзкина, Е. Идея духовного преображения героя в русской классической литературе / Е.П. Берёзкина // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. №2.
2. Матюшенко, Л.И., Матюшенко, А. Г. Учебное пособие по истории русской литературы XIX века / Л.И. Матюшенко, А.Г. Матюшенко. М. : МАКС-ПРЕСС, 2009.
3. Мокина, Н. Дантовские мотивы в рассказе А.П.Чехова «Студент» // Н.В. Мокина // Изв. Сарат. ун-та. Нов. Сер. Филология. Журналистика. 2020. №1.
4. Чехов, А.П. Студент / А.П. Чехов // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М. : Наука, 1977. – Т.8.